

12. Shapovalova G.M. *Vozmozhnost' ispol'zovaniya informatsionnykh sledov v kriminalistike (voprosy teorii i praktiki)* (The possibility of using information traces in criminal statistics (theory and practice), dis. ... kand. jurid. nauk, Vladivostok, 2005.
13. Shevchenko B.I. *Nauchnyye osnovy sovremennoy traseologii* (Scientific basis of modern traseology), *Osmotr mesta krazhi, sovershennoy s primeneniye tekhnicheskikh sredstv*, sb. nauch. tr., Moscow, LeksEst, 2004.

Дата поступления: 10.10.2019

Received: 10.10.2019

УДК 340.6

**ТИПОЛОГИЯ ЛИЦ, СКЛОННЫХ
К ПОДЖОГАМ И ХУЛИГАНСТВУ
ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ УЛИЧНЫХ
ПРОТЕСТОВ**

**THE TYPOLOGY OF INDIVIDUALS
INCLINED TO ARSON ATTACKS AND
HOOLIGANISM DURING STREET
PROTESTS**

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mail@tretyakov.su

TRETYAKOV Ivan Lvovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia. E-mail: mail@tretyakov.su

Научный интерес к социально-психологической и криминологической природе массовых протестных выступлений весьма значителен. Социальные медиа наполнены сообщениями о многотысячных акциях протеста (митингах, шествиях, маршах, демонстрациях, флешмобах и т.д.) в крупнейших городах мира. Однако, даже беглого взгляда на происходящие события достаточно, чтобы убедиться – далеко не все участники протестных мероприятий нацелены на диалог с властью, на мирное, конструктивное обсуждение насущных вопросов. В статье, на основании анализа российских и зарубежных источников, подробно описаны личностные особенности граждан, представляющих наибольшую общественную опасность во время уличных манифестаций, в связи с их агрессивностью и нетерпимостью. Деструктивная активность подобных субъектов проявляется в виде насилия, хулиганства, уничтожения чужого имущества, вандализма. Предпринята попытка типологизировать представителей различных групп протестующих в

Socio-psychological and criminological nature of mass protests is of very significant scientific interest. Social media sources are full of news featuring protests with thousands of participants (rallies, processions, marches, demonstrations, flashmobs, etc.) in the world's biggest cities. However, even a quick look at the events is enough to realize that not all the participants of protests aim at a dialogue with authorities, at unaggressive, constructive discussion of urgent issues. Based on the analysis of Russian and foreign sources, the article details personal characteristics of citizens representing the greatest public danger during street demonstrations in connection with their aggressiveness and intolerance. Destructive activity of such individuals includes violence, hooliganism, other people's property destruction, vandalism. The author attempts to typologize representatives of various groups of protesters, depending on the severity of their negative and positive individual personal attitudes, moral qualities

зависимости от выраженности их негативных и позитивных индивидуально-личностных установок, моральных качеств, побуждений, а также с учетом антиобщественной направленности, характера совершенных ими противозаконных деяний.

Ключевые слова: протесты, протестное поведение, личность протестующих, типология, социальные сети, массовые беспорядки, уничтожение имущества, хулиганство, вандализм, несовершеннолетние, психические нарушения.

and motives. In addition to this, the author takes into account the antisocial orientation, the nature of their illegal acts.

Key words: protests, protest behavior, personality of protesters, typology, social networks, mass disorders, property destruction, hooliganism, vandalism, minors, mental disorders.

Протестные поведенческие реакции на индивидуальном и коллективном уровне достаточно подробно изучены и описаны психологами и криминологами. Как правило, такое поведение обусловлено периодом взросления у детей и подростков, внутриличностными конфликтами в более старшем, зрелом возрасте и (или) неприятием происходящих процессов, несогласием с окружающими, стремлением бороться с социальной несправедливостью, а также желанием вызвать общественный резонанс. Недовольство чем-либо, объективно или субъективно обусловленное, является типичным состоянием человека, которое в большинстве случаев стимулирует его критическое мышление, мотивирует на поиск новых способов оптимизации межличностных и общественных отношений. Действия «несогласных» могут быть ограничены рамками правового поля или выходить за его пределы, вступая в противоречие с законом.

Различные проявления несогласия с существующим порядком вещей кумулируются и распространяются в социальных сетях. Потоки негативного контента настолько обильны, что неискушенным в психологии и политике обывателям нелегко отличать правду от лжи, заподозрить откровенный «фейк», разглядеть манипулятора, экстремиста [7; 16, pp. 1094-1118; 17, pp.1-26]. В информационном обществе XXI века качественно «преобразуется» менталитет людей. Ученые вынуждены констатировать, что сегодня значительное число представителей ювенальных слоев населения предпочитают жить в искусственном мире, максимально дистанцировав себя от реальности. Некоторые исследователи выражаются более жестко и, по их мнению «цифровая евангелизация» привела к «интеллектуальному опустошению», деградации целых поколений, кроме того, именно такими людьми стало проще манипулировать [6, с. 37-46; 9, с. 34-46; 14, с. 11-19]. Все чаще и настойчивее исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что современные СМИ и Интернет-пространство отрицательно влияют на психическое и общее здоровье каждого человека и всего общества [4; 13; 15].

И так, деструктивные акторы, заинтересованные в решении тех или иных проблем (путем формирования протестных настроений) доводят до целевой аудитории негативный контент, который вызывает эмоциональный отклик у пользователей социальных сетей. Условно говоря, контент способен оказать нужный эффект лишь в том случае, если он будет максимально оптимизирован и социализирован, т.е. приспособлен под поисковые запросы наиболее восприимчивой, мобильной части населения – молодежи. Организаторы протестов ясно представляют себе «портрет» адресата, разделяющего их взгляды, формы самовыражения и противодействия власти, а также способного вывести на улицу своих друзей, знакомых и т.д. [8; 11, с. 86-94]. Важно подчеркнуть, что декларируемые протестующими цели и задачи могут быть всего лишь «ширмой», скрывающей истинные намерения организаторов массовых волнений и оппозиционных настроений. При этом можно с уверенностью констатировать, что

участники протестных акций крайне редко сообщают о готовности в любой момент перейти к насилию (исключение составляют заявления крайне радикальных элементов).

В контексте сказанного уместно обратиться к опыту, так называемых, «цветных революций», которые начинались под мирными лозунгами, а заканчивались поджогами, погромами, расправами с оппонентами, свержением законных правительств. Уже на самых ранних этапах своей деятельности митингующие провоцировали силовиков к более или менее решительным действиям, что в дальнейшем позволяло «революционерам» объявлять себя жертвами тоталитаризма и врагов демократии, требовать помощи ООН, Государственного Департамента США, Евросоюза [1, с. 116-132; 10, с. 99-102; 12, с. 98-103]. В этом плане весьма показательны события в Сербии (2000 г.), в странах Ближнего Востока и Северной Африки («Арабская весна» – 2010-2013 гг.), в Киргизии (2005, 2010, 2019 гг.), на Украине (2004-2005 гг., 2013-2014 гг.), в других бывших республиках СССР.

Тщательно спланированные «заокеанскими партнерами», обеспеченные мощным информационным сопровождением либеральных СМИ протесты в России 2011-2013 гг. вошли в новейшую историю как «революция ожиданий» или «снежная революция». Антиправительственные выступления сопровождались довольно интенсивными и жесткими столкновениями демонстрантов с силовиками. Состав участников акций едва ли поддается четкой систематизации из-за своей неоднородности. Митингующие требовали отмены результатов выборов и отставки президента, спустя короткое время (в течение первого месяца) в социальных сетях появились призывы к массовым беспорядкам, к акциям неповиновения, к насилию в отношении представителей власти. Помимо стычек с ОМОНОм и указанных призывов, ряд протестующих совершали действия хулиганского характера, при этом поджогов, вандализма зафиксировано не было.

Заслуживают внимания и события несколько иного рода – масштабные протесты американцев. Так, осенью 2011 г. заявило о себе движение «Захвати Уолл-стрит». По данным правоохранительных органов США, в течение года «протестующими» было совершено несколько сот преступлений: убийств, изнасилований, хулиганских действий, краж, грабежей, разбоев, поджогов, актов вандализма [3; 5].

Не вызывает сомнений, что наиболее «брутальные» акции протеста всегда привлекали и продолжают привлекать к себе людей с уголовным прошлым, дезадаптированных, с психическими нарушениями, которым «нравится» атмосфера анархии, насилия, противоборства, причем, они как бы мстят государству, «становясь над законом». В тоже время следует признать, что определенное число криминогенных, а также криминальных личностей «вливаются» в протестное движение совершенно искренне, разделяя выдвинутые демонстрантами требования о восстановлении социальной справедливости, однако, они реагируют на ситуацию в соответствии со своими жизненными, устоявшимися стереотипами, зачастую девиантными и противоправными [2].

Ограниченный объем статьи не позволяет более детально рассмотреть массовые «антиполицейские» выступления афроамериканцев, протесты в Греции, Чили, Каталонии, Франции, акции антиглобалистов, антиэмигрантские демонстрации ультраправых в Германии (PEGIDA). Тем не менее, краткий обзор участников «мирового протестного движения», склонных к агрессии и насилию при проведении уличных акций, а также материалы 53-х уголовных дел, возбужденных по ч. 2, ч. 3 ст. 212 УК РФ, ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 1 ст. 318 УК РФ правоохранителями г. Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Екатеринбурга (в период с мая 2012 по август 2019 гг.) позволили нам предпринять попытку создания типологии столь специфической категории граждан.

Первый тип – «универсально-криминогенный». Его представители обладают чрезвычайно выраженной предрасположенностью к различным проявлениям криминальной активности и агрессии (в широком диапазоне). Данный тип образуют субъекты, имеющие «смут-

ное» представление о правовой культуре, недостаточно образованные, эмоционально-лабильные, с выраженными дефектами воспитания, интеллектуального развития, зависимые от психоактивных веществ. В условиях девиантного окружения, нарастающей групповой агрессии, постоянной суггестии и т.д. степень сплоченности асоциальных, антисоциальных и психоаномальных индивидов может быть очень высокой, тем более, что осознание индивидуальной ответственности у таких субъектов «размывается», а иллюзия вседозволенности приобретает вполне осязаемые черты. Степень общественной опасности достаточно высока. Общая направленность личности негативная.

Второй тип – «насилованный» (исключительно криминальный). Представители данного типа ранее неоднократно привлекались к уголовной и административной ответственности. Это могут быть как «одиночки», так и члены преступных групп, уличных банд, радикальных течений. Данный тип составляют абсолютно опасные, особо опасные и опасные субъекты. Направленность личности также негативная, но «негативизм» более выражен.

Третий тип – «игровой». Данный тип объединяет значительное число граждан, он сформировался за счет индивидов, воспринимающих протесты как «геймификацию», возможность пережить острые ощущения, набрать «лайки» в социальных сетях. Это, в первую очередь – студенческая молодежь, «белые воротнички», несовершеннолетние. Среди представителей данного типа наиболее часто встречаются ситуативные, импульсивные, неустойчивые субъекты.

Одним из подвидов третьего типа является особая категория, так называемых, «франтиков» («мечтателей-утопистов»), заранее программирующих себя на роль героев или жертв. В основной своей массе это – паранойяльные, истероидные, инфантильные (т.е. акцентуированные или психопатизированные) субъекты. Уверовав в свою особую миссию, высокое предназначение, они пытаются привлечь к себе внимание зарубежных СМИ, лидеров оппозиции.

По сравнению с представителями двух вышеописанных типов они обладают наименьшей общественной опасностью. Направленность их интересов как негативная, так и позитивная.

Четвертый тип – «профессиональный». В его рамках выделяются два подтипа: 1) «корыстный», это опытные, тщательно подготовленные полит-технологи, а фактически – «наемники»; направленность их интересов негативная; 2) «идеологический» подтип образуют «штатные» оппозиционеры, поступки которых продиктованы стойкими внутренними убеждениями, но могут иметь место и меркантильные соображения; направленность личностных устремлений как негативная, так и позитивная.

Данный тип составляют особо опасные, опасные и представляющие незначительную опасность субъекты (в данном случае мы говорим о совершении поджогов, хулиганстве, вандализме и т.д.).

Пятый тип – «смешанный». Целесообразность выделения «смешанного» типа обусловлена тем, что среди криминогенных и криминальных личностей, «профессиональных» участников протестного движения (как и у всех людей) имеет место полимотивация, но могут доминировать игровые, агрессивно-игровые, познавательные мотивы, кроме того, как показывает судебная практика, в рядах профессионалов не мало ранее судимых граждан.

Шестой тип – «психоаномальный». Данный тип может рассматриваться как изолированно, так и в рамках всех вышеописанных типов, соответственно и личностная направленность не поддается однозначной оценке. Степень опасности «психоаномалов» различна.

Седьмой тип – «случайный». Участники протестов совершают преступления по неосторожности, непредумышленно, в последующем они, как правило, отказываются от участия в подобных акциях, раскаиваются в содеянном. Личностная направленность – нейтральная (реже – умеренно-позитивная).

Подводя итог сказанному, отметим, что выделение, изучение и описание различных типов протестующих, склонных к поджогам, хулиганству и вандализму во время уличных

акций представляет практический интерес в плане организации противодействия массовым беспорядкам. Предикторами преступного поведения протестующих являются личностные факторы (прежде всего, сказывается высокая концентрация криминогенных и криминальных личностей, психоаномалов, недостаточно критичных граждан, безнадзорных несовершеннолетних), а также ситуативные, в том числе и искусственно созданные политтехнологами, провокаторами и т.д. Неблагоприятное сочетание личностных и ситуативных факторов приводит к групповой агрессии, повышению общественной опасности протестующих. Все представители рассмотренных нами типов полимотивированы, при этом у них преобладают насильственные, агрессивные-игровые, игровые и корыстные побуждения. «Изначальная» моральная и психологическая готовность к противоправным действиям имеет место у подавляющей части рассмотренных нами индивидов, однако максимальной предрасположенностью обладают представители «универсально-криминогенного» и «насильственного» типа, минимальной – лица, отнесенные к «случайному» типу.

Библиографические ссылки

1. Балтодано У.А., Пономарев Н.А., Майлис А.А. «Цветные революции» и национально-государственная идентичность // PolitBook. 2019. № 1. С. 116-132.
2. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев [и др.]; отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб. : Алетей, 2000.
3. Дунаевский И. Массовые беспорядки: два человека – в тюрьму [Электронный ресурс]. URL.: <https://rg.ru/2019/08/02/krupnye-shtrafy-i-gody-tiurmy-kak-v-mire-nakazyvaiut-zapnesankcionirovannye-akcii.html> (дата обращения: 01.11.2019).
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. 2018. № 1 (17). С. 62-70.
5. Захвати Уолл-стрит [Электронный ресурс]. URL.: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.11.2019).
6. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2018. №3 (31). С. 37-46.
7. Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://online-science.ru/m/productspunkt/number_6-2019 (дата обращения: 01.11.2019).
8. Ковров В.Ф., Хамитова Р.М. К вопросу о влиянии социальных сетей на поведение молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №1 [Электронный ресурс]. URL: https://online-science.ru/m/productspunkt/number_1-2019 (дата обращения 01 ноября 2019).
9. Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет–активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. № 1 (33). С. 34–46.
10. Кузютин И. И. Предпосылки и возможность осуществления «цветных революций» в России // Достижения науки и образования. 2016. № 7 (8). С. 99-102.
11. Панченко И.М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. 2018. № 2. С. 86-94.
12. Савино Дж., Новодержкин Н.А. Революция vs «Цветная революция» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 1. С. 98-103.
13. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. 1999. № 1. С. 26-27.

14. Сальников В.П., Захарцев С.И. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. 2015. № 8. С. 11-19.
15. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 23-31.
16. D'Arienzo, M.C., Boursier, V. & Griffiths, M.D. Addiction to Social Media and Attachment Styles: A Systematic Literature Review (2019) *International Journal of Mental Health and Addiction*, August, Vol. 17, Issue 4, pp. 1094-1118 [Электронный ресурс]. URL.: <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00082-5>.
- Harpviken A.N. Psychological. Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review (2019) *Adolescent Research Review*, № 1, pp. 1-26.

References

1. Baltodano U.A., Ponomarev N.A., Majlis A.A. «Cvetnye revolyucii» i nacional'no-gosudarstvennaya identichnost' ("Color Revolutions" and National-State Identity), *PolitBook*, 2019, No. 1, pp. 116-132.
2. Deviantnost' i sotsial'nyy kontrol' v Rossii (XIX–XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoye osmysleniye (Deviance and social control in Russia (XIX – XX centuries): trends and sociological understanding), *Nauchnoye izdaniye*, V. Afanas'yev [i dr.], otv. red. YA.I. Gilinskiy, St. Petersburg, Aleteyya, 2000.
3. Dunaevskiy I. Massovye besporyadki: dva cheloveka – v tyur'mu (The riots: two people – to prison), URL.: <https://rg.ru/2019/08/02/krupnye-shtrafy-i-gody-tiurny-kak-v-mire-nakazyvaiut-zanesankcionirovannye-akcii.html> (accessed date: 01.11.2019).
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Zashchita prav cheloveka v informatsionnom prostranstve (Protection of human rights in the information space), *Strategicheskiye prioritety*, 2018, No. 1(17), pp. 62-70.
5. Zahvati Uoll-strit (Capture Wall Street), URL: <https://ru.wikipedia.org> (accessed date: 01.11.2019).
6. Karabanova O.A., Molchanov S.V. Riski negativnogo vozdejstviya informacionnoj produkcii na psihicheskoe razvitiye i povedeniye detej i podrostkov (Risks of the negative impact of information products on the mental development and behavior of children and adolescents), *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2018, No. 3 (31), pp. 37-46.
7. Kas'yanov V.V., Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Kibersocializaciya kak riskogennyj faktor vliyaniya na social'noe zdorov'e rossijskoj molodezhi v epohu cifrovyyh tekhnologij (Cyber socialization as a risk-generating factor of influence on the social health of Russian youth in the era of digital technologies), *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2019, No. 6, URL: https://online-science.ru/m/productspunkt/number_6-2019 (accessed date: 01.11.2019).
8. Kovrov V.F., Hamitova R.M. K voprosu o vliyaniy social'nyh setej na povedeniye molodezhi (To the question of the influence of social networks on the behavior of youth), *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2019, No.1, URL: https://online-science.ru/m/productspunkt/number_1-2019 (accessed date 01.11.2019).
9. Kolesnikov V.N., Mel'nik Yu.I., Teplova L.I. Internet–aktivnost' i problemnoye ispol'zovanie interneta v yunosheskom vozraste (Internet activity and problematic use of the Internet in adolescence), *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2019, No. 1 (33), pp. 34–46.
10. Kuzyutin I. I. Predposylki i vozmozhnost' osushchestvleniya «cvetnykh revolyucij» v Rossii (Background and the possibility of implementing "color revolutions" in Russia), *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, 2016, No. 7 (8), pp. 99-102.
11. Panchenko I.M. Social'nye seti kak novaya forma kommunikacii: pol'za ili opasnost' dlya obshchestva? (Social networks as a new form of communication: benefit or danger for society?), *Sociologiya nauki i tekhnologij*, 2018, No. 2, pp. 86-94.
12. Savino Dzh., Novoderzhkin N.A. Revolyuciya vs «Cvetnaya revolyuciya» (Revolution vs “Color Revolution”), *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2017, No. 1, pp. 98-103.

13. Sal'nikov V.P. Nezrimoye vtorzheniye. Negativnoye vozdeystviye informatsii na soznaniye cheloveka (Invisible invasion. The negative impact of information on human consciousness), *Zashchita i bezopasnost'*, 1999, No. 1, pp. 26-27.
14. Sal'nikov V.P., Zaharcev S.I. Informacionnoe prostranstvo kak novaya global'naya ugroza chelovechestvu i ego pravam: filosofskij i pravovoj podhody (The information space as a new global threat to humanity and its rights: philosophical and legal approaches), *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki*, 2015, No. 8, pp. 11-19.
15. Khabibulin A.G., Abdrakhmanov A.I. MVD v informatsionnom pole narastayushchev global'noy napryazhennosti (Ministry of Internal Affairs in the information field of increasing global tension), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 1, pp. 23-31.
16. D'Arienzo, M.C., Boursier, V. & Griffiths, M.D. Addiction to Social Media and Attachment Styles: A Systematic Literature Review (2019) *International Journal of Mental Health and Addiction*, August, Vol. 17, Issue 4, pp. 1094–1118, [Elektronnyy resurs], URL: <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00082-5>
17. Harpviken A.N. Psychological. Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review (2019) *Adolescent Research Review*, Vo.1, pp. 1-26.

Дата поступления: 16.10.2019

Received: 16.10.2019

УДК 343.98

**СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ
И АЛГОРИТМ РАССЛЕДОВАНИЯ
НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СЕМЬЕ**

**INVESTIGATIVE SITUATIONS AND
PROCEDURE FOR INVESTIGATING
VIOLENT CRIMES IN FAMILY**

ХАЛИУЛЛИНА Айгуль Фаатовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: aigul229@mail.ru

KHALIULLINA Aigul Faatovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: aigul229@mail.ru

В статье раскрыто содержание следственной ситуации. Предлагается своя классификация следственных ситуаций при расследовании насилия, совершаемого в семье, и предлагается алгоритм первоначальных действий, направленных на сбор доказательств в отношении субъектов противоправной деятельности.

The paper reveals the content of the investigative situation. It proposes its own classification of investigative situations when investigating violence committed in family and it proposes an initial operating procedure aimed at collecting evidence against the subjects of illegal activity.

Ключевые слова: следственные ситуации, насилие, семья, преступление, алгоритм действий, первоначальный этап расследования.

Key words: investigative situations, violence, family, crime, operating procedures, initial stage of investigation.

Расследование насильственных преступлений, совершаемых в семье, проходит под воздействием различных обстоятельств и конкретных условий места, времени, поведения участников и их взаимосвязей, которые в совокупности образуют объективную обстановку, принятую в криминалистике, называть следственной ситуацией.